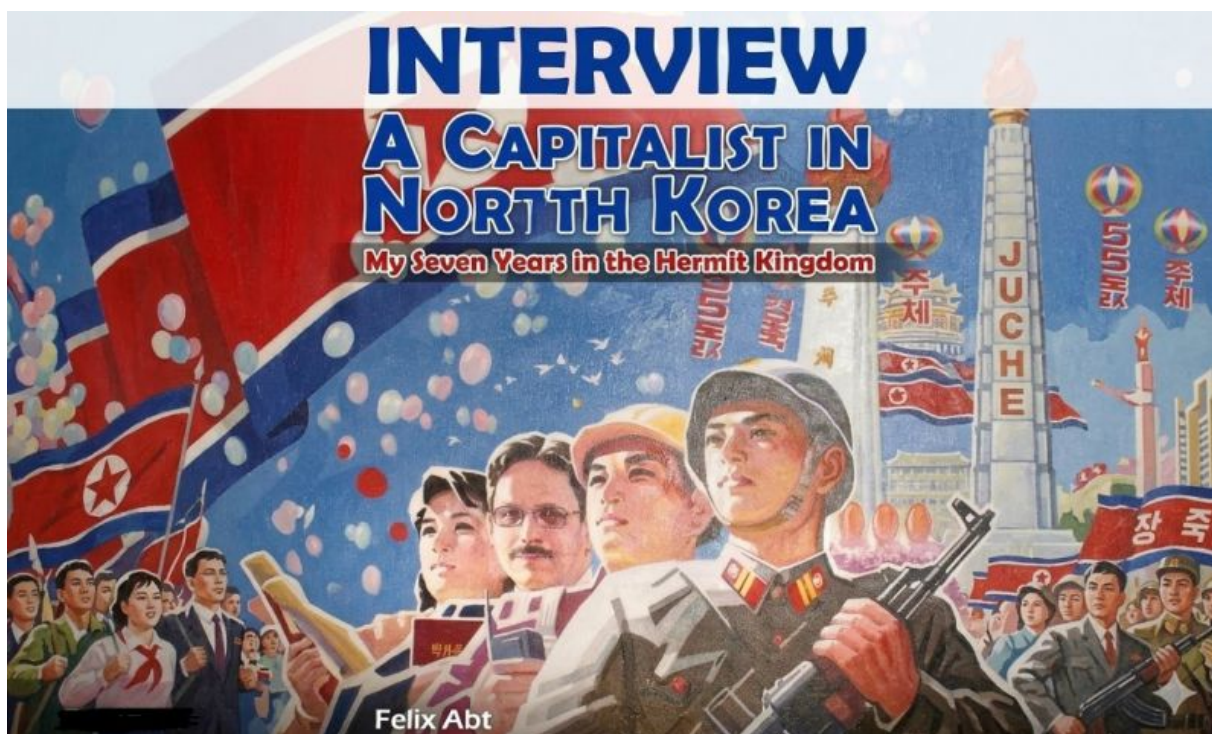

Капиталист в Пхеньяне и новый многополярный мир

Рассказ из первых уст об экономических преобразованиях в Азии, западных санкциях и других мерах принуждения, а также о становлении многополярного мира за пределами западной гегемонии.

Пабло Санс Байон

срд 26 авг 2026 24 мин. чтения

Примечание редактора: Эта статья публикуется с разрешения автора, Пабло Санса (*Frontiere*).

Феликс Абт (Швейцария, 1955) не вписывается ни в традиционные рамки западной дипломатии, ни в образ геополитического аналитика-теоретика. Получив опыт в сфере глобального корпоративного управления в таких транснациональных

гигантах, как ABB Group и F. Hoffmann-La Roche, в 2002 году он принял решение, которое кардинально изменило его жизнь: переехать в Северную Корею.

Сначала он работал там в должности регионального директора ABB, пока группа ABB не ушла из страны из-за усиливающегося политического давления со стороны своих основных западных рынков. Он сыграл ключевую роль в создании Пхеньянской школы бизнеса, стал одним из соучредителей и председателем первой иностранной торговой палаты — European Business Association — и благодаря этому был одним из немногих западных специалистов, имевших непосредственный доступ к промышленным, государственным и общественным структурам изолированного режима.

Феликс неоднократно появлялся в эфире и давал интервью многим СМИ, включая CNN, FOX News, ABC, BBC, Le Monde, Handelsblatt, Frankfurter Allgemeine Zeitung, AFP, Businessweek, The Financial Times и Bloomberg.com, а также консультировал различные бизнес-ассоциации.

Его знаковая книга «Капиталист в Северной Корее: мои семь лет в „королевстве отшельников“» (2014) рисует картину северокорейского общества, которая сильно отличается от той монолитной карикатуры, которую рисуют западные СМИ.

Став свидетелем того, как санкции ООН постепенно душили его совместные предприятия в фармацевтической отрасли и сфере программного обеспечения, Абт переехал во Вьетнам, где основал новые компании. Оттуда он внимательно наблюдает за экономическим подъёмом Юго-Восточной Азии, продвигает идею многополярного мирового порядка и анализирует происходящее в Азии, публикуя независимые материалы, в том числе в своём личном блоге на *Substack*.

Читайте полное интервью

Пабло Санс: Феликс, большое спасибо, что согласился на это интервью. Ты родился и начал свою профессиональную карьеру в Швейцарии — стране, которая исторически отличается строгим политическим нейтралитетом и коммерческим прагматизмом. Как этот швейцарский менталитет повлиял на твой подход к ведению бизнеса на сложных глобальных рынках?

Феликс Абт: Нынешний высокий уровень жизни в Швейцарии может отвлечь внимание от того факта, что эта небольшая страна с населением около 10 миллионов человек богата именно потому, что ей пришлось проявить изобретательность. Она не имеет выхода к морю и обладает лишь небольшими запасами природных ресурсов, таких как металлы, полезные ископаемые или

энергоресурсы. Как и Северная Корея, она также горная, и лишь относительно небольшая часть её территории пригодна для сельского хозяйства. Поэтому Швейцария не может прокормить своё население и вынуждена импортировать значительную часть продуктов питания.

Страна могла выжить только за счёт создания и специализации на высокодоходных нишевых товарах и услугах, экспортируя большую часть своей продукции, чтобы заработать твёрдую валюту, необходимую для оплаты многочисленных импортных поставок — от продуктов питания и энергоресурсов до металлов и полезных ископаемых. В результате Швейцария экспортирует почти 80 % своего ВВП.

На фоне этих макроэкономических условий было вполне естественно, что моя профессиональная карьера началась в небольших швейцарских компаниях, ориентированных на экспорт. Одна из них специализировалась на производстве упаковочного оборудования, другая выпускала рольставни, интегрированные с электронными системами безопасности. Начав работать в сфере экспорта как специалист по экспортным операциям, я затем перешёл на должность экспорт-менеджера и стал руководить международной торговой деятельностью компании.

Лично меня всегда привлекали история и культура стран, с которыми я работал. Нейтралитет Швейцарии и отсутствие у неё колониального прошлого — за что я всегда был благодарен — во многом сформировали мой образ мышления. Я считал важным слушать представителей стран, с которыми вёл бизнес, и учиться у них, а не выносить им свои суждения. Я также был убеждён, что народы суверенных государств должны иметь право самостоятельно определять свою судьбу, без иностранного вмешательства.

Я никогда не считал себя просто продавцом, скорее — человеком, который помогает решать проблемы: тем, кто помогает клиентам преодолевать трудности, развивать бизнес и становиться успешнее. В условиях подлинного взаимовыгодного сотрудничества их успех, в свою очередь, способствовал росту и процветанию компаний, в которых я работал.

Пабло Санс: До приезда в Пхеньян вы занимали руководящие должности в международных компаниях в Африке, Европе и других регионах Азии. В 1990-е годы, в период глобальной экономической экспансии, когда вы впервые начали ощущать, что макроэкономический центр тяжести мира смещается с Запада на Восток?

Феликс Абт: Я начал ощущать первые признаки этого сдвига ещё в 1980-е годы, с появлением так называемых «азиатских тигров» — Сингапура, Малайзии, Таиланда, Индонезии и Тайваня. Эти быстро развивавшиеся азиатские экономики успешно

сделали ставку на экспортно-ориентированный рост и стали занимать всё более значительную долю в мировом промышленном производстве — задолго до того, как к этому процессу присоединился Китай, проведя собственные масштабные экономические реформы. И не стоит забывать, что вступление Китая в ВТО, сыгравшее особенно важную роль, произошло лишь в 2001 году.

Азиатская модель делала акцент на исключительно высоких нормах сбережений и инвестиций, развитии образования, инфраструктуры и промышленного потенциала. Я наблюдал, как инвестиции, внутренние сбережения, образование, урбанизация, наличие значительных трудовых ресурсов, торговля и иностранные инвестиции становились основными движущими силами этой трансформации.

Поначалу Восток рос за счёт производства товаров для Запада: западные компании переносили производственные мощности в Азию в поисках более низких издержек и доступа к потенциально огромным формирующимся потребительским рынкам.

Затем Восток сам превратился в огромный потребительский рынок. А теперь Азия всё в большей степени не просто производит и потребляет — она сама создаёт капитал, технологии, инфраструктуру, компании и инновации.

Мне здесь виделась особенно интересная историческая параллель: экспортная ориентация, которая для небольшой Швейцарии, практически лишённой природных ресурсов, была едва ли не вопросом выживания, всё больше становилась характерной и для формирующихся экономик Азии. Они создавали своё благосостояние за счёт специализации, экспорта, накопления капитала и постоянного перехода к продукции с более высокой добавленной стоимостью.

В 2002 году вы приехали в Северную Корею, чтобы руководить проектами АВВ. В своей книге вы подробно описываете неожиданные изменения, которые противоречат представлению о полной изоляции страны: появление меню западного образца, дебетовых карт и первых бизнес-школ. Как северокорейская технократия воспринимала такие рыночные концепции, как оптимизация затрат или реклама?

Когда я приехал в Северную Корею, страна только начинала выходить из глубокого кризиса, начавшегося в 1990-е годы. Советский Союз, её крупнейший торговый партнёр и главный источник поддержки, предоставлявший, помимо прочего, субсидируемые энергоресурсы, распался в начале 1990-х. Отдельные сектора экономики КНДР были тесно интегрированы в более широкую экономическую систему советского блока, и крах этой системы привёл к резкому экономическому спаду.

Во второй половине 1990-х годов кризис усугубили катастрофические засухи и наводнения. Эти стихийные бедствия не только усилили экономический спад, но и привели к острому продовольственному кризису. Урожаи были уничтожены, и страна оказалась не в состоянии обеспечить население продовольствием. Начался голод, хотя число погибших, вероятно, исчислялось сотнями тысяч, а не миллионами, как часто утверждали западные СМИ.

Менее известно, что гористый Север исторически периодически страдал от голода. Более равнинный и тёплый Юг традиционно служил сельскохозяйственной «житницей» всего Корейского полуострова. Когда в конце Второй мировой войны американские чиновники произвольно провели на карте линию, разделив Корею на Северную и Южную, Север оказался навсегда отрезан от своего основного источника продовольствия. Эта уязвимость была жестоко использована во время Корейской войны, когда ВВС США систематически бомбили плотины и затапливали сельскохозяйственные угодья, вызывая массовый голод. Под удар попадало практически всё, что двигалось; как рассказывала мне одна пожилая северокорейская женщина, пережившая те ужасы, бомбили даже домашний скот и птицу — свиней и кур. Командующий Стратегическим авиационным командованием США того времени позднее признал, что в результате этой кампании погибло около 20 процентов населения Северной Кореи — масштабы разрушений, сопоставимые с геноцидом.

Однако доминирующий на Западе нарратив не ограничивается завышением числа жертв голода 1990-х годов. Нередко утверждается, что северокорейское руководство было безразлично к страданиям населения или даже сознательно использовало голод как инструмент давления. Мой личный опыт противоречил этим утверждениям. Руководство не оставалось безучастным к бедственному положению своих граждан; напротив, оно активно и неоднократно обращалось к международным организациям и иностранным правительствам с просьбами о срочной продовольственной и медицинской помощи.

Когда я приехал в Пхеньян и обосновался там, в стране по-прежнему работало много иностранцев из гуманитарных организаций ООН и НПО. Северокорейцы уже привыкли к получению гуманитарной помощи, и в какой-то момент само правительство публично признало, что продолжительный приток помощи сформировал культуру зависимости.

Поначалу северокорейцы, с которыми я имел дело, предполагали, что я тоже представляю какую-то благотворительную организацию. Это приводило к любопытным дискуссиям, когда я объяснял, что представляю инвесторов, готовых

построить современный завод, — но при условии, что он будет работать рентабельно и приносить достаточную прибыль, чтобы вложенные средства окупились в разумные сроки.

Я также объяснял, что такое предприятие сможет успешно развиваться лишь при наличии необходимых рыночных механизмов: компания должна иметь возможность продвигать свою продукцию, находить клиентов, конкурировать на рынке и размещать рекламу — а реклама на момент моего приезда всё ещё была запрещена законом.

Вы были одним из основателей Пхеньянской школы бизнеса. Кто были северокорейские руководители, посещавшие ваши занятия, и к чему они стремились? Действительно ли они верили в возможность гибридной модели, подобной китайским «специальным экономическим зонам»?

Изменение макроэкономических условий означало, что заводы и другие предприятия всё чаще были вынуждены действовать самостоятельно. Централизованно планируемая экономика, по крайней мере отчасти, начинала переходить к смешанной модели, в которой руководители предприятий уже не просто получали указания о том, что и в каких объёмах производить. Им всё чаще приходилось самим искать клиентов, выяснять, какая продукция им нужна, и организовывать её выпуск так, чтобы предприятие работало прибыльно.

Поэтому руководителям государственных предприятий необходимо было осваивать навыки, которые позволили бы их компаниям не только выживать, но и успешно развиваться — а в идеале в не столь отдалённом будущем последовать примеру своих восточноазиатских коллег и успешно экспортировать часть выпускаемой продукции.

Их обучение было сосредоточено на нескольких ключевых направлениях. Во-первых, им необходимо было хорошо разбираться в финансах, контроллинге и бухгалтерском учёте, чтобы принимать решения на основе данных. Во-вторых, требовались навыки управления цепочками поставок, чтобы обеспечивать предприятие необходимыми ресурсами и поддерживать рентабельность производства. В-третьих, им предстояло освоить современные методы управления персоналом, чтобы максимально раскрывать потенциал сотрудников. И, наконец, им были необходимы современные маркетинговые навыки — для понимания потребительского спроса и активного формирования рынков сбыта своей продукции.

Именно эта практическая потребность подтолкнула меня к созданию Пхеньянской школы бизнеса для руководителей предприятий и высокопоставленных экономических чиновников, проходивших последипломное обучение. Меня раздражало, что высокооплачиваемые сотрудники гуманитарных организаций фактически поддерживали порочный круг постоянной раздачи помощи, который мешал проведению необходимых реформ. Я считал, что гораздо эффективнее было дать руководителям предприятий реальные навыки, способные вернуть экономику на траекторию роста, создать настоящие рабочие места и обеспечить устойчивые доходы для миллионов людей.

В то время северокорейцы, по-видимому, действительно верили, что гибридная экономическая модель, отчасти основанная на опыте Китая со специальными экономическими зонами (СЭЗ), позволит внедрить рыночные механизмы, не отказываясь при этом от более широкой системы государственного управления экономикой.

Особенно интересным примером стали китайские СЭЗ: вместо того чтобы либерализовать всю экономику сразу, Пекин создал географически ограниченные зоны, где в льготном режиме можно было испытывать иностранные инвестиции, рыночные методы управления, международную торговлю и другие экономические реформы. Всемирный банк называл такие зоны важными экспериментальными площадками для развития рыночных институтов, привлечения иностранных инвестиций, передачи технологий и внедрения современных методов управления.

Северная Корея применила функционально схожий подход в 1991 году, создав специальную экономическую зону Расон, расположенную в стратегически важном районе на северо-востоке страны, у границы с Китаем. В рамках этой инициативы Раджин и Сонбон были выделены в экспериментальную юрисдикцию, призванную привлекать прямые иностранные инвестиции и развивать трансграничную торговлю. Макроэкономическая цель заключалась в создании либерализованного экономического анклава, способного привлекать иностранный капитал и технологии, обеспечивать приток твёрдой валюты и стимулировать торговлю, тем самым способствуя развитию конкретного региона при сохранении в целом государственной плановой экономики.

Для меня Расон имел особое значение, поскольку показывал, что мышление руководства в Пхеньяне не обязательно сводилось лишь к сохранению существующей системы в неизменном виде. Там понимали, что отдельные элементы восточноазиатской модели развития — прежде всего экспортно-ориентированное производство, иностранные инвестиции и рыночные методы ведения бизнеса — потенциально можно внедрять выборочно и в

экспериментальном порядке. В этом смысле сама концепция напоминала логику китайского постепенного подхода: вместо того чтобы менять всё сразу, создавать ограниченные пространства, где можно опробовать новые экономические правила, изучить результаты и затем, в случае успеха, расширять применение тех механизмов, которые доказали свою эффективность.

Ключевое различие, конечно, заключалось в том, что китайские СЭЗ стали мощными двигателями гораздо более широкой экономической трансформации, тогда как Северная Корея не позволила своим экспериментам перерасти в сопоставимый по масштабу общенациональный процесс реформ.

В середине 2010-х годов законные совместные предприятия, в которых участвовали, — в том числе Pyongsu, специализировавшееся на жизненно необходимых лекарствах, а также компании в сфере программного обеспечения и текстильной промышленности — обанкротились из-за международных санкций ООН, поддержанных администрацией США. Препятствуют ли эти санкции внутренним реформам и ещё больше изолируют гражданское население?

Санкции — особенно введённые после первого ядерного испытания Северной Кореи в 2006 году — серьёзно ударили как по отечественным компаниям, так и по совместным предприятиям с иностранным капиталом, подобным тем, которыми я руководил. Хотя эти предприятия не обязательно сразу становились банкротами, многие из них постепенно приходили в упадок, продолжая работать в крайне ограниченном режиме и уже не имея возможности поддерживать нормальный уровень производства, качества и безопасности. Они больше не могли надёжно импортировать запасные части, современное оборудование и даже необходимое сырьё.

Последствия были особенно тревожными в тех отраслях, где безопасность продукции зависела от регулярных лабораторных анализов. Например, фармацевтическим и пищевым предприятиям были необходимы лаборатории для проверки сырья и готовой продукции на загрязнение и другие риски для безопасности. Однако Северная Корея оказалась единственной страной в мире, которой было полностью запрещено импортировать необходимые химические реактивы и лабораторные материалы для проведения таких стандартных проверок — процедур, являющихся обычной практикой практически во всём остальном мире.

Возник поразительный парадокс: санкции, призванные оказать давление на политическое руководство, на деле подрывали способность обычных предприятий обеспечивать базовые производственные стандарты и контроль безопасности. В результате фармацевтические и пищевые компании лишались необходимых

инструментов для проверки безопасности своей продукции, а рядовые северокорейские пациенты и потребители оказывались под угрозой серьёзных рисков для здоровья, которых вполне можно было избежать.

Ваша вторая книга — «Страна лагерей, голодающих рабов и ядерных бомб?» (2022) — прямо ставит под сомнение оптику, через которую Запад оценивает некоторые страны. Почему, на ваш взгляд, ведущие международные СМИ склонны упускать из виду коммерческую динамику и повседневную жизнь обществ при социалистических или незападных режимах?

Huffington Post был заметным исключением среди крупных СМИ. Заголовок их материала — «Бизнес как инструмент реформ в Северной Корее» — точно отражал мысль, которую я пытался донести. В интервью изданию я объяснял, что иностранный бизнес может знакомить северокорейцев с новыми идеями, международными стандартами и альтернативными подходами к ведению бизнеса.

Большая часть ведущих СМИ пошла по интеллектуально ленивому — и в корне нечестному — пути, просто объявив таких бизнесменов, как я, пособниками режима. Они даже не удосужились задать элементарный вопрос: сколько налогов мы в действительности платили КНДР? Если бы они это сделали, ответ сразу показал бы несостоятельность их логики: этих денег не хватило бы даже на покупку одной ракеты, не говоря уже о финансировании ядерного оружия.

В своём блоге и авторских статьях в интернете вы нередко выступаете с очень резкой критикой того, что называете «лицемерием американской гегемонии». Какие принципиальные различия вы видите между проецированием силы США и геополитическим влиянием Китая в торгово-экономической сфере?

В недавней статье в Financial Times инвестор и миллиардер Рэй Далио заявил, что Китай возрождает в Азии систему вассальной зависимости, предполагая, что Пекин использует экономическое давление, чтобы заставить соседние страны следовать своей линии.

Однако Далио и другие западные комментаторы, зачастую слабо знакомые с историей Китая, нередко представляют историческую систему дани как нечто похожее на европейский средневековый феодализм: небольшие государства платили Китаю дань в обмен на защиту, тогда как Китай осуществлял политическую гегемонию, якобы подкреплённую силовым принуждением.

Этот искусственно созданный образ не соответствует действительности.

Традиционная система была основана не столько на извлечении богатств, сколько на обмене признания на материальные выгоды. Государства-данники преподносили в основном символические дары, тогда как китайский двор нередко вознаграждал их товарами, денежными выплатами и ценными торговыми привилегиями. Логика этой системы выражалась в понятиях 得名 (dé míng) — Китай получал престиж и легитимность — и 得实 (dé shí) — государства-данники получали реальные экономические выгоды.

При династии Мин этот принцип выражался формулой 厚往薄来 (hòu wǎng bó lái): «Щедро отдавать, скромно принимать». Китай сознательно давал больше, чем получал, поскольку целью было не максимизировать прибыль, а поддерживать стабильный региональный порядок, в центре которого находился Китай.

Эта система могла быть весьма выгодной для её участников. Посланники преподносили местные товары и символические дары, а взамен получали шёлк, фарфор, чай, серебро и другие ценные товары. Ещё важнее было то, что даннические миссии открывали доступ к торговле и порой к рынкам, которые в иных условиях были жёстко ограничены. Эти привилегии были настолько ценными, что некоторые пытались злоупотреблять системой: выдумывали несуществующие государства, подделывали верительные грамоты, получали иностранные титулы и выдавали себя за зарубежных посланников.

Особенно показателен пример Японии. Соперничающие японские группировки ожесточённо боролись за право вести официальную торговлю с Китаем, что в конечном итоге стало одной из причин вооружённого Нинбоского инцидента 1523 года. Спор шёл не о том, кто будет подчиняться Китаю, а о том, кто получит контроль над доступом к чрезвычайно прибыльному китайскому рынку.

Это важно учитывать, когда мы проводим аналогии с современностью.

Сегодня Китай, безусловно, использует свой огромный экономический вес для влияния на другие страны через торговлю, инвестиции и доступ к своему рынку. Он также может сокращать или ограничивать эти преимущества, когда политические отношения ухудшаются. Но это не то же самое, что утверждать, будто Китай просто воссоздаёт некую принудительную имперскую иерархию.

Историческая система во многом работала именно потому, что участие в ней было выгодным. Её главным «кнудом» были не военные завоевания, а лишение доступа к преимуществам, которые давали отношения и торговля с Китаем.

Современный эквивалент этой системы можно сформулировать просто: «пряник» — это доступ к торговле и инвестициям, а «кнут» — лишение этого «пряника».

Это также объясняет, почему внутреннее потребление в Китае имеет стратегическое значение. Чтобы экономические отношения с Китаем сохраняли свою привлекательность, его партнёры должны и дальше получать ощутимые выгоды от взаимодействия с китайской экономикой. Устойчивые торговые дисбалансы со временем могут подорвать эту привлекательность.

Поэтому, если в современной Азии и формируется некая «данническая система», я бы описал её не столько как империю, силой подчиняющую соседние страны, сколько как экономическую гравитацию, притягивающую государства к крупнейшему в мире рынку и производственному центру.

Именно поэтому, на мой взгляд, историческую аналогию стоит рассматривать гораздо внимательнее. Вместо того чтобы просто спрашивать, оказывает ли Китай давление на соседние страны, следует задаться вопросом, как китайское государственное искусство исторически реагировало на внешнее давление — и почему его стратегическое поведение порой столь заметно отличается от западных ожиданий.

Я подробнее рассматриваю эту историческую закономерность в своей статье [«В осаде черепаха укрепляет панцирь: стратегия Китая — расчётливое отступление и будущий подъём как цивилизационный рефлекс, сформировавшийся за 4000 лет»](#).

Сейчас Вы живёте во Вьетнаме — стране, которой удалось сочетать однопартийную политическую систему с впечатляющим экономическим ростом и весьма прагматичной дипломатией. Как Вы оцениваете успешное развитие вьетнамской экономики? Может ли вьетнамская модель стать для Пхеньяна примером того, как интегрироваться в мировую экономику?

Западные демократии позиционируют себя как образец политической свободы и народного представительства. Однако за этим фасадом скрывается отрезвляющая реальность: власть всё больше концентрируется в руках небольшой сверхбогатой элиты — систему, которую точнее было бы назвать олигархией или плутократией.

Политические процессы в значительной степени находятся под влиянием влиятельных лоббистских групп, крупных корпораций и связанных с ними медиасетей. В результате многие граждане чувствуют политическое отчуждение и бессилие. Например, несмотря на то что большинство населения выступает против бесконечных войн и предпочло бы видеть эти триллионы направленными на инфраструктуру, образование и доступное здравоохранение, их мнение остаётся без внимания. Несмотря на формальную свободу выбора, доверие к государственным институтам снижается по мере дальнейшего роста социального неравенства. В то

время как в Китае сформировался крупнейший в мире средний класс, на Западе средний класс постепенно размывается, и миллионы американцев и европейцев всё чаще с трудом сводят концы с концами и обеспечивают себя самым необходимым.

В отличие от этого, такие страны, как Вьетнам и Китай, придерживаются модели управления, в меньшей степени ориентированной на формальные процедуры и в большей — на конкретные результаты для населения. Оба государства, которыми руководят формально коммунистические партии, опираются на гибридные системы, сочетающие элементы рыночной экономики со стратегическим государственным планированием. Конкуренция активно поощряется, а картели и монополии регулируются с целью защиты потребителей и стимулирования инноваций.

Государственное планирование сосредоточено на таких ключевых сферах, как инфраструктура, научные исследования и разработки, образование и здравоохранение, что создаёт положительные сопутствующие эффекты и для частного сектора. Компании получают преимущества в виде современной инфраструктуры, более квалифицированной рабочей силы и более низких расходов на здравоохранение, что дополнительно повышает экономическую эффективность.

Разумеется, этим странам также приходится бороться с коррупцией и неправомерным покровительством влиятельным лицам, что противоречит законам, призванным обеспечивать справедливость для всех. Но даже это меркнет по сравнению с «узаконенной» коррупцией американской политической системы, где состоятельные люди и корпорации могут оказывать огромное влияние на политиков через комитеты политических действий и практически неограниченные расходы на избирательные кампании.

Результатом в Китае и Вьетнаме стал экономический и социальный прогресс, который выделяется в мировом масштабе своей скоростью и широтой охвата. Сотни миллионов людей были выведены из бедности, а основы для устойчивого роста последовательно укреплялись — не за счёт дерегулирования и рыночного фундаментализма, которые в США способствовали масштабному перераспределению богатства от низших слоёв общества к 0,001% самых состоятельных, а благодаря модели управления, ориентированной на общее благо.

В конечном счёте следование китайско-вьетнамской модели могло бы дать Северной Корее мощный ориентир для быстрого развития и долгосрочного процветания.

С учётом усиления блока БРИКС, постепенной дедолларизации и укрепления китайской инициативы «Один пояс — один путь» переход к многополярному миру представляется уже неоспоримым. Как вы оцениваете попытки Запада адаптироваться к этому новому глобальному контексту?

Значение блока БРИКС, по-видимому, несколько преувеличено. Подобно Европейскому союзу, который был многообещающим проектом, пока сосредоточивался на создании экономического союза, а затем превратился во всё более громоздкую и дисфункциональную экономико-политико-военную структуру, БРИКС представляет собой неоднородную группу стран с весьма различающимися — и всё сильнее расходящимися — интересами и политическими системами.

Сегодня ЕС во многом удерживается вместе благодаря «украинскому проекту» — кампании, рассчитанной на изоляцию, ослабление или уничтожение России. Кая Каллас, главный дипломат ЕС, зашла настолько далеко, что даже предположила: подлинная победа должна предусматривать распад России на более мелкие государства. В этом есть глубокая ирония: Европа оттолкнула от себя своего крупнейшего и важнейшего соседа — страну, чьи доступные энергоресурсы десятилетиями обеспечивали рост европейской промышленности, пока политические элиты не решили разорвать эту жизненно важную связь. Нынешние лидеры, по сути, лишь следуют маршруту, проложенному старыми геостратегическими концепциями Хэлфорда Маккиндера, лорда Исмея и Збигнева Бжезинского.

Этой стратегии, по сути, уже более ста лет. Маккиндер предупреждал, что Россия занимает центральное положение в «Хартленде» — ключевом пространстве мировой силы, — и потому её необходимо сдерживать любой ценой. Лорд Исмей, первый генеральный секретарь НАТО, сформулировал эту установку ещё чётче, сведя основную миссию альянса к известной формуле: «держат русских вне Европы, американцев — в Европе, а немцев — под контролем». К концу 1990-х годов Збигнев Бжезинский, консультировавший пять президентов США, адаптировал эту геополитическую шахматную доску к новой эпохе. В своей книге «Великая шахматная доска» он сформулировал ключевую установку: использовать Украину как геополитический рычаг, чтобы сдерживать Россию.

Поступая таким образом, нынешние европейские лидеры фактически лишь следуют старому англо-американскому сценарию. И движут ими не только идеологические установки: они непосредственно выигрывают от войны — за счёт благосостояния и уровня жизни рядовых европейцев, которые при этом практически лишены возможности влиять на происходящее.

БРИКС сталкивается и с собственными проблемами. Его разнородность затрудняет превращение объединения в сплочённый политический или экономический блок, в то время как западные силы также стремятся использовать его внутренние разногласия и не допустить, чтобы БРИКС превратился в действенный противовес глобальной гегемонии США и системе зависимых от Вашингтона государств.

Тем не менее тенденцию к дедолларизации уже трудно остановить. Даже так называемые союзники США осознали, что Вашингтон способен — и готов — использовать статус доллара как мировой резервной валюты в качестве оружия против них, если они не будут «вести себя должным образом». Хотя США делают всё возможное, чтобы не допустить формирования многополярного мира, их всё более финансиализированная экономика, значительная часть промышленной базы которой была утрачена, сталкивается с растущими ограничениями. Одно из проявлений этого — снижение способности производить достаточное количество вооружений и боеприпасов для одновременной поддержки нескольких конфликтов, что, по мнению автора, демонстрирует неспособность в достаточной мере обеспечивать войны на Украине и на Ближнем Востоке системами ПВО, другими видами вооружений и боеприпасами.

Соперничество между США и Китаем также вышло за рамки экономики и геополитики. Оно всё больше превращается в противостояние двух конкурирующих представлений о политическом устройстве — между [китайской меритократией](#) и [западной олигархией](#) или плутократией. В отличие от Соединённых Штатов, внешняя политика которых нередко характеризовалась стремлением продвигать или навязывать свою политическую и экономическую модель другим странам, Китай позиционирует себя как сторонника национального суверенитета, цивилизационного многообразия и права каждого народа самостоятельно выбирать собственный путь развития без внешнего вмешательства.

В рамках инициативы «Один пояс — один путь», которая помогает странам развивать современную инфраструктуру и открывает новые торговые возможности, Китай подкрепляет этот подход инвестициями на миллиарды долларов.

Исход этого противостояния определит не только то, какая из моделей получит более широкое международное признание, но и сам характер формирующегося мирового порядка. Учитывая экономический рост Глобального большинства и ослабление политического влияния Запада, этот порядок, вероятно, будет постепенно отходить от доминирования одной гегемонистской державы в сторону многополярной системы, в которой влияние распределено более равномерно и ни одна страна не способна единолично диктовать правила остальным.

В то же время следует ожидать усиления напряжённости, глубокой политической нестабильности и масштабных вспышек насилия на Западе, вызванных недовольством миллионов граждан.

Эпоха безраздельного господства Запада близится к завершению. Будущее, вероятно, будет за теми государствами, которые добиваются легитимности благодаря эффективности управления и общему процветанию, поддерживают стабильность на основе суверенитета и расширяют своё влияние через сотрудничество — а не посредством идеологии, чрезмерной концентрации богатства, принуждения или гегемонистских притязаний.

На фоне растущей напряжённости в Индо-Тихоокеанском регионе, как вы считаете, удастся ли Юго-Восточной Азии сохранить стратегическую автономию, или ей в конечном счёте придётся выбирать между Вашингтоном и Пекином?

Южно-Китайское море — это вопрос не столько торговли, рыболовства или нефти, сколько стратегической уязвимости Китая и его ядерного сдерживания.

Пекин рассматривает Южно-Китайское море как потенциальный стратегический «бастион» для своих атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. В отличие от сравнительно мелководных Жёлтого и Восточно-Китайского морей, глубина центральной части Южно-Китайского моря превышает 4 000 метров, что даёт подводным лодкам значительно больше возможностей избегать обнаружения. Поскольку Китай придерживается политики неприменения ядерного оружия первым, для его системы сдерживания критически важна способность гарантированно нанести ответный ядерный удар.

Поскольку Китай сталкивается с экзистенциальной «Малаккской дилеммой» и в значительной степени зависит от морских маршрутов через Южно-Китайское море для поставок энергоресурсов, продовольствия и ведения торговли, в случае крупного конфликта он остаётся уязвимым перед возможной блокадой. Поэтому у Пекина есть стимул не только сохранять эти воды открытыми для судоходства, но и развивать военные возможности, необходимые для их защиты.

С этой точки зрения масштабное строительство Китаем искусственных островов и их милитаризация приобретают иной смысл. Взлётно-посадочные полосы, радиолокационные станции, порты и другие объекты на спорных рифах позволяют вести наблюдение и обеспечивать воздушное и военно-морское прикрытие прилегающих акваторий, тем самым помогая защищать более глубоководные

районы патрулирования подводных лодок. Это можно сравнить с практикой Советского Союза времён холодной войны, когда для атомных подводных лодок создавались защищённые морские «бастионы».

Неудивительно, что западные комментаторы трактуют эти меры как проявление китайского экспансионизма или принуждения, хотя их можно рассматривать и как оборонительную реакцию на стратегическую уязвимость Китая и [военное окружение Китая Соединёнными Штатами](#). Соединённые Штаты, в свою очередь, воспринимают попытки Китая установить контроль над регионом или усилить там своё военное присутствие как вызов американской гегемонии в Азии и оправдывают собственное военное присутствие необходимостью защищать свободу судоходства — несмотря на то что именно Китай, а не США, гораздо сильнее зависит от торговли через Южно-Китайское море и гораздо активнее её использует.

Таким образом, Пекин считает, что защищает уязвимые подступы к своей территории и обеспечивает сохранность сил ядерного сдерживания в случае возможного нападения, тогда как Вашингтон и его союзники воспринимают многие из тех же самых мер как свидетельство китайского «экспансионизма».

Эти споры вокруг рифов, островов и морских границ несут риски, которые значительно превосходят их локальное значение. Китай последовательно заявляет о предпочтении мирных двусторонних переговоров со своими соседями. Для сохранения перспективы стоит отметить, что Китай никогда не начинал войну против Японии. Более того, его последнее военное столкновение — краткий, длившийся около месяца конфликт с Вьетнамом в 1979 году — не было войной с целью завоевания территории или смены режима. Пекин, напротив, представлял это вмешательство исключительно как карательную акцию в ответ на вторжение Вьетнама в Камбоджу и свержение там режима красных кхмеров, ответственного за геноцид.

За внешней стороной этих споров скрывается более масштабное противостояние, связанное с подводной войной, ядерным сдерживанием, стратегической уязвимостью Китая и будущим балансом сил в Азии. Если развитие событий пойдёт по тому сценарию, которого добивается Пекин, его разногласия с соседями в конечном счёте будут урегулированы мирным путём. Я полагаю, что в итоге прагматичный подход может привести Китай и соседние страны к совместному освоению ресурсов Южно-Китайского моря — такому решению, которое отвечало бы их взаимным интересам. Однако Соединённые Штаты, несомненно, сделают всё возможное, чтобы не допустить подобного компромисса.

Оглядываясь на вашу необыкновенную карьеру — от уважаемых офисов швейцарских транснациональных корпораций до заводов Пхеньяна и вашей нынешней жизни во Вьетнаме, — какой главный урок, на ваш взгляд, политические и деловые элиты Запада по-прежнему отказываются усвоить в отношении будущего Азии и нового многополярного мирового порядка?

Белые элиты Соединённых Штатов и их европейские родственники — те, кто насильственно заселял Америку и другие части света, уничтожал коренные народы и похищал миллионы африканцев, превращая их в рабов и подвергая жестокому обращению на плантациях, — впоследствии развязывали войны по всему миру в стремлении к гегемонии и господству.

Они никогда добровольно не примут усиление незападных держав в Азии и других регионах мира. Однако их собственная политика, подрывающая основы их же системы — бесконечные войны, интервенционизм и концентрация богатства в руках узкой олигархической элиты, — в конечном счёте ослабит эту систему изнутри и создаст условия для формирования более подлинно многополярного мира.

Большое спасибо, что поделились своими мыслями с *Frontiere*.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Интервью Северная Корея БРИКС